

Новые русские звезды*

Век. Москва — 1999 —
9 ноября — с. 5

Чужая

Балерина Анастасия Волочкова, приглашенная в Москву из Петербурга Владимиром Васильевым, появилась в столице «как беззаконная комета». В прошлом остались сольный репертуар Мариинки и легенда о том, как вчерашняя школьница заявила о себе в «Лебедином озере». Дебют в Большом сильно освежил скандальную версию васильевского «Лебединого». Ослепительная красавица покорила публику безупречной техникой, сценическим апломбом и царственностью в исполнении главных партий в «Жизели», «Раймонде» и «Коньке-Горбунке». Только появлялась в спектаклях все реже, к разочарованию поклонников красоты и стиля. А потом и вовсе перешла на гостевой контракт. За полтора года, чтобы не простаивать, подготовила три творческих вечера из современных и классических номеров. Собирается даже участвовать в Неделе высокой моды — при таком росте и красоте грех не пройти по подиуму.

Наталья ГОЛИЦЫНА

— Анастасия, в этом сезоне в вашем контракте оговорено всего три спектакля. Чем вы сейчас заняты в Большом театре?

— К счастью, этот сезон начался с репетиций новой работы — постановки Бориса Яковлевича Эйфмана «Русский Гамлет», спектакля о Павле I. Мне доверена роль Екатерины II. Мечтой всей моей жизни была работа с этим хореографом. Я счастлива, что он выбрал меня на главную роль. В декабре начнутся репетиции с Эйфманом, в феврале 2000 года — премьера в Большом театре.

— Танцевать хореографию Эйфмана физически сложно, она требует специальной тренировки от классических танцовщиков.

— Совершенно верно. Этим мотивирован отказ большей половины солистов от участия в премьере. Печально видеть это. Казалось бы, приход такого хореографа должен вызывать интерес практически у каждого артиста, но некоторые посчитали для себя невозможным участие в его постановке. Не захотели даже попробовать. Я считаю, что любой классический танцовщик должен развиваться в современном стиле, развивать свое тело. Необходимо работать с современными хореографами — это обогащает не только физически, но и духовно. Я точно знаю: в балете главное — не данные, а желание, целеустремленность и работоспособность. Меня ведь не принимали в училище за отсутствием данных, но я всегда знала, рыдая и цепляясь девочкой за двери Вагановской академии, что стану не учителем или инженером, а балетной артисткой.

— Трагическое содержание спектакля вас не угнетает?

— Наоборот, люблю роли, наполненные драматизмом. Мне близки образы глубокие, которые часто бывают и трагическими. Они отражают мою жизнь, не обделенную всевозможными испытаниями, устремлениями и перипетиями.

— Что вы имеете в виду: ваш переход из Мариинского театра в Большой или ваше нынешнее положение в Большом театре?

— Мне пришлось оставить Петербург, потерять Мариинский театр, переехать в Москву и оказаться в совершенно новой для меня стихии. Здесь совсем другие люди и жизненный ритм. Ничто в жизни мне не давалось просто — ни спектакль, ни один шаг в карьере. В Петербурге остался мой дом, замечательная квартира в красивейшем месте на Крюковом канале рядом с театром и Никольским собором. Здесь мне приходится снимать квартиру — страшненькую, далеко от театра. Дирекция не смогла мне поспособствовать в приобретении жилья. Это трудно, месячная зарплата солистов в Большом — 90 долларов. Я получаю по самой низкой ставке — у меня нет званий и других заслуг перед театром. Поэтому, чтобы платить за квартиру и обеспечивать свое существование, приходится ездить и танцевать по частным контрактам. Я предпочитаю иметь свои костюмы (что очень важно для самочувствия в роли) — для этого их надо шить за собственный счет. Но это не самые большие сложности.

Главное — взаимоотношения с людьми. Атмосфера в Большом театре далеко не доброжелательная, с сожалением. Зависть иногда вызывает совершенно неожиданные вещи. Напри-

* Сегодня отдел культуры открывает новую рубрику. С одной стороны, хочется снять налет пафоса со скромного слова «звезда», а с другой — по мере возможности пополнить карту звездного неба новыми именами. Ее (рубрику) героями будут молодые художники и музыканты, писатели и актеры — все те, кому за семнадцать, но не за пятьдесят и кто уже занял свое место в профессии.

Анастасия ВОЛОЧКОВА: «Мой дом не в особняке, подаренном покровителем, а там, где моя мама, мой белый кот»

гостевые спектакли в другие театры. Мне говорили, что я должна завоевывать положение в труппе, но почему-то это положение мне предлагалось завоевывать, сидя без работы. Я считала свободное время своей собственностью и использовала его для творческого развития. Отсутствие работы приводит к застою. Танцую на гастрольях в других труппах по пять серьезных спектаклей в неделю — «Баядерку» или «Спящую красавицу», — я чувствовала себя в форме и была счастлива. Надеюсь, что и сейчас гостевой контракт позволит мне быть там, где меня захотят видеть. Для меня это выход из критического положения, в котором я оказалась. Меня приглашают танцевать «Жизель», «Золушку», «Ромео и Джульетту» в Голландии, в Цюрихе. Есть предложение сделать проект «Спящая красавица» в известнейшем Альберт-холле в Лондоне и сольный гала-концерт в Вене.

— Во всем этом калейдоскопе предложений нет русских трупп.

— Я считаю себя русской балериной, и мое призвание — танцевать именно в России. Может быть, я не нужна Большому театру, потому что (как это постоянно подчеркивается) «здесь много своих балерин». Не стесняюсь даже говорить, что я — «чужая». Мне кажется, единственный критерий в нашем искусстве — профессионализм. Поэтому понятия «свой» — «чужой» выглядят нелепо. Нигде в мире не интересуются дипломами, медалями, видеокассетами. Какой бы звездой ты ни был, ты обязан пройти конкурс. Мне кажется, после того как я танцевала весь сольный репертуар в Мариинском театре, конкурс в труппу Большого я выдержала. Но сейчас не имею возможности выступать здесь столько, сколько должна была бы солистка.

— Нужно было иметь веские основания, чтобы решиться оставить Мариинский театр. Недоброжелательность — один из законов внутренней жизни великих театров?

— Это вещи разного порядка. Я не могу пожаловаться на несложившиеся отношения с коллегами в Мариинском театре. В Петербурге у меня множество друзей, которые обо мне помнят, любят меня: от рабочих сцен, забивающих гвозди, до солистов. Мы уважали друг друга. Отношения не сложились только с одним человеком — руководителем балетной труппы Махаром Вазиевым. Условия работы я считала неприемлемыми для себя. Сотрудничества с современными хореографами не предвиделось, во многие спектакли я вводилась аврально из-за болезни исполнительницы, за два-три дня, все контракты и приглашения на мое имя оставались в столе или по ним отправлялись другие балерины.

— Характерные советские методы.

— Абсолютно. Уже тогда мне хотелось другой творческой жизни. Я много делала для театра, выручала его в трудные моменты, но и мне театр дал возможность станцевать 14 главных ролей. В Большом все сложилось иначе: я — новое лицо, танцую несколько иначе, чем московские балерины. Здесь меня даже ругали за то, что я выгляжу на сцене слишком ярко, бросаюсь. Но мне всегда казалось, что именно так должна появляться настоящая балерина: блистать, привлекать внимание. Переучиваться и перенимать московскую манеру мне бы не хотелось. Наоборот — лучше сохранить петербургские особенности и овладеть новыми нюансами.

— Правда, что на утреннем классе в театре ни в коем случае нельзя занять чужое место?

— И это мне пришлось испытать. Здесь

очень жесткая иерархия. Я встала к центральной палке только потому, что мне это место казалось свободным. Но потом мой поступок был истолкован превратно и излишне многозначительно. Поначалу меня очень удивлял высокомерный и самоуверенный вид, с которым входили в служебный вход артистки кордебалета. Может быть, я чего-то не понимаю? Ведь главное — результат работы, а не место у станка или гордый вид.

— Владимир Васильев пригласил вас в театр, Екатерина Максимова до недавнего времени была вашим педагогом. В чем причина внезапного охлаждения?

— Мне грех жаловаться. За прошлый сезон мне посчастливилось приготовить под руководством Екатерины Сергеевны Максимовой довольно

«Мой муж будет любить балет, а больше всего — меня в балете»

Досье «ВМ»

Анастасия ВОЛОЧКОВА. 1994 год — окончила Академию русского балета им. А. Я. Вагановой по классу профессора Н. М. Дудинской в Петербурге. Диплом с отличием. На последнем курсе, будучи студенткой Вагановского училища, дебютировала в партии Одетты-Одилии в спектакле Мариинского театра «Лебединое озеро».

1994—1998 годы — солистка Мариинского театра. В репертуаре — 14 главных ролей в спектаклях от «Лебединого озера» и «Баядерки» до «Пахиты» и «Видения Розы».

1996 год — первая премия и Золотая медаль II Международного конкурса артистов балета им. Сержа Лифаря в Киеве.

1998 год — приглашена в Большой театр. Дебютировала в роли Принцессы Лебедь в «Лебедином озере».

1999 год — перешла на гостевой контракт в Большой театр.

Гастролирует в США, Японии, Великобритании, Австрии, Германии, Греции, Бельгии и Канаде.

Особенности индивидуальности молодой балерины — соединение строгой чистоты формы, присущей петербургской школе, и размаха большого стиля, характеризующего школу московскую.

много новых ролей. Надеюсь никогда не разочаровать Владимира Викторовича Васильева, танцую в его постановках «Жизели», «Лебединого озера» и в дуэте из «Фрагментов одной биографии», «подаренном» нам с Марком Перетокниным. Надеюсь, он понимает мое стремление делать все по максимуму. Просто ситуация в театре изменилась, меня пригласили в театр, когда еще был жив Александр Юрьевич Богатырев, руководивший балетом. Теперь другая политика и приоритеты. С нынешним руководителем Алексеем

— Почему вы расстались с Екатериной Максимовой?

— Это исходило от нее. Наверное, творческие мотивы сыграли свою роль. Я очень дорожила тем, что именно Максимова и Васильев протянули мне руки в первые мои, самые тяжелые месяцы в Москве, когда я была совершенно одна. Но, наверное, были и другие причины. Некоторые люди извне пытались нас разлучить, посеять недоверие сплетнями, интригами. Я не хотела огорчать тех людей, которые поверили в меня.

Мне предлагали жить во дворцах, подарить роскошные квартиры. И не только в Москве и Петербурге, но по всему миру. Но я не могу продаваться

Николаевичем Фадеевичем мы находим общий язык. Я всегда в профессиональной форме, и руководство театра может рассчитывать на меня в любой момент и знает, где меня найти.

— Вы готовили новую роль — Эгнуну в «Спартаке» в постановке Юрия Григорovichа, — но так и не stanцевали ее...

— Мне было обещано два спектакля во время гастролей в Лондоне, но в последний момент все отменилось. Мотив — не успели дать в афишу мое имя. Странным показалось и то, что меня не включили в программу гала-концерта, хотя в нем участвовали все — от звезд до только что пришедших в театр молодых. Поинтересовалась, неужели я недостойна представлять Большой, и узнала, что, оказывается, название моего номера не поддается переводу. Вот и причина. Логово ответа я ждала, но только не такого.

— Как вам кажется, уместно ли сравнивать московскую и петербургскую школы?

— Театр — как Эрмитаж: кто-то любит Ренуара — а кто-то Матисса. Кто любит музыку Вивальди, а кто-то — рок. В каждом театре есть плеяды великих балерин. В моем танце петербургская школа прорывается все время. Срабатывают какие-то подсознательные механизмы. Иногда хочешь танцевать по-новому, как разумно с педагогом, а на сцене тело само просит сделать иначе. Кажется, это называется памятью тела. Явление мистическое, свойственное только нашему искусству. Но мне кажется, главное — выражение движений души. Этому я учусь у своих педагогов — Екатерины Сергеевны Максимовой, с которой мы работали первый сезон в Большом театре, Риммы Клавдиевны Карельской.

Встречи с Петербургом происходят на моих сольных вечерах.

— Получается, уйдя из Мариинского театра, вы и в Большом не прижились?

— Здесь мне говорят, что в Большом существуют свои определенные устои. Само это слово жуткое «устои» вызывает во мне содрогание. Любый театр должен развиваться и стремиться вперед, а не кичиться своими небезысленными традициями. Поэтому и отказываются некоторые танцевать в премьере Эйфмана, что постоянно оглаждаются на «устои». И это застойное настроение касается всего — и творческой, и организационной стороны. Я не могу, например, пригласить гостей на собственный спектакль, даже купив билеты. Мне объяснили: не положено, театр этот стоял без меня и стоять будет. Грустно, конечно, и обидно. Наверное, я здесь не нужна. Да и нужно ли стремиться утвердиться в театре, который «стоит»? Я хочу работать в такой структуре, где движутся вперед, развиваются. Может быть, я совершаю неверные шаги, ошибки. Но это мои ошибки, на которых я учусь и набираюсь мудрости.

— Может быть, для того чтобы уррепиться в такой престижной труппе, как Большой или Мариинский театр, нужно быть настоящей стервой?

— Наверное, некоторая степень стержовности, а также умение постоять за себя, защитить себя могут помочь в продвижении. Но в то же время, чтобы пробиться в театр, нужно обладать сверхпокладистостью, способностью подстроиться под руководство и пойти на компромиссы. Видимо, у меня сложный характер. Артист зависит от очень многих обстоятельств в теат-

ре, но эта зависимость должна доходить до определенного предела. Может быть, то, что я ни под кого не могла подстраиваться, мешает мне не только в карьере, но и в личной жизни. Я считала это недостойным и предпочитала получать все по праву. Поэтому я отказалась изначально по окончании хореографического училища от финансовой поддержки определенных людей. Мне предлагались полная «раскрутка», обеспечение, покупные премии на конкурсах, оплаченные первые роли в любых спектаклях. Мне же всегда хотелось быть на сцене по собственным заслугам. И проверить, чего я стою сама, без защищенных тылов. Но я и конкурс имени Сержа Лифаря в Киеве выиграла без всяких взяток, и выступала во всем репертуаре Мариинского театра.

— Не может быть, чтобы вокруг такой красивой и одаренной артистки, как вы, не вились «меценаты», жаждущие положить к вашему ногам свои миллионы в обмен на «дружеское» расположение. Как написал поэт Владимир Вишневский: «На взмах ноги божественной ее / Со всей Москвы слетелось спонсорство».

— Люди, располагающие неограниченными средствами, считают хорошим тоном взять на содержание балерину. Так было всегда, достаточно вспомнить фавориток царской фамилии из Императорских театров, в первую очередь — блистательную Матильду Кшесинскую, подругу Николая II, с ее многочисленными особняками. Но я никогда не хотела быть содержанкой. Я — самостоятельная личность. Снимаю квартиру, зарабатываю на реализацию своих театральных проектов — аренду залов для творческих вечеров, изготовление костюмов, гонорар музыкантам. Живу, конечно, не в идеальных условиях. Но мой дом — не в особняке, подаренном покровителем, а там, где моя мама, мой белый кот, где меня любят и ждут. Где явольна жить так, как мне хочется, слушать своих любимых Вивальди и Баха. Сколько раз мне предлагали жить во дворцах, подарить роскошные квартиры. И не только в Москве и Петербурге, но по всему миру. Но я не могу продаваться. Хочу всего в жизни достичь сама. Может быть, здесь и сейчас на балете особо не разбогатеешь, но придет время — я заработаю деньги. Просто я никогда не придавала им особого значения. Прекрасно понимаю, что их можно потерять в одну секунду. Как и власть. Главное — сохранить свой внутренний стержень, который никто и никогда не сможет сломить. Многие пытались сделать это — я вижу.

— Неужели богатый человек не может оказаться симпатичным и адекватным?

— Я не могу принимать помощь, чтобы не попасть в зависимость. Близкие отношения с состоятельным человеком, который мне не нравится, невозможны. С другой стороны, пользоваться поддержкой добрых друзей мне бы не хотелось, чтобы не возникло мысли, что я с ними только ради денег. Я могу принять поддержку только от тех, кто видит во мне балерину и не претендует на меня как на женщину. Такая щепетильность — замкнутый круг. Мне никогда не хотелось смешивать работу и личную жизнь. Совершенно естественно, что красивая женщина должна нравиться. Но мне бы хотелось найти в мужчине благородство. Я убеждена, что если выйду замуж, то за человека, совершенно не связанного с балетом. Он будет любить балет, а больше всего — меня в балете.